

Н.М. КУРЕННАЯ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**БЕЛОРУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА:
НА ГРАНИЦЕ ВЫМЫСЛА И ФАКТА.
М.И. ГОРЕЦКИЙ. НА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ**

Abstract:

Kurenayaya N.M. *Belorussian documentary and fictional prose: on the border of fact and fable. M.I. Horetski. At the imperialist war*

The article is devoted to the work of M.I. Haretski, who was the author of the first “History of Belarusian literature”, the founder of the documentary and fictional movement in the Belarusian verbal folklore. According to the author’s opinion, Haretski’s style had several peculiarities, among them are laconism, philosophical thinking without deliberate didacticism, delicacy to the historic and topical problems of the Belarusian people.

Ключевые слова: М.И. Горецкий, белорусская литература, биографизм, эго-документы, словесность, литература факта.

Не вызывает сомнения тот факт, что документальность – характерная и сильная черта белорусской литературы. Свидетельством тому могут служить произведения многих белорусских писателей. Самым ярким примером последнего времени стала Нобелевская премия по литературе за 2015 г. С.А. Алексиевич. Ее перу принадлежат произведения, жанр которых можно отнести к художественно-документальной прозе, имеющей в национальной литературе давние корни. А. Адамович, также творивший в русле документально-художественной словесности, считал документальность не только жанром, но и «стилем неоднородным, но чрезвычайно созвучным нашему времени»¹.

Одним из родоначальников этого направления белорусской литературы стал Максим Иванович Горецкий (1893–1938), автор сборников рассказов, автобиографических повестей, романов, драм. Его личность занимает особое место в ряду выдающихся белорусских писателей первой половины XX в. – благодаря многогранным талантам, философскому взгляду на мир, на историческую судьбу родной, обездоленной Беларуси, особому чувствованию характерных национальных особенностей своего народа в сопоставлении с соседними народами – русскими, украинцами, литовцами. Эти черты отразились в его художественных произведениях, они способствовали самым разносторонним научным занятиям М. Горецкого по продвижению и распространению знаний о белорусах в

мире. Он новатор в самых разнообразных гуманитарных областях – литературоведении, лексикографии, фольклористике. Одной из наиболее значительных заслуг М. Горецкого по праву считается создание первой «Истории белорусской литературы» (1920), много лет являвшейся единственным трудом такого рода, неоднократно издававшимся в дополненном виде. Этот труд стал учебником не для одного поколения белорусских школьников и студентов. М. Горецкий – создатель (в соавторстве с родным братом – Г. Горецким) первого русско-белорусского словаря (1918), автор «Хрестоматии белорусской литературы. XI век – 1905 год» (1922), сборника «Народные песни с мелодиями» (1928). Он перевел на белорусский язык «Слово о полку Игореве», отдельные произведения М. Горького и А. Фадеева. Исследователь творчества М. Горецкого М. Мушинский отмечал черты, присущие его писательской манере, – «отсутствие какой бы то ни было нарочитости, искусственной драматизации и схематизма. Это была высокая простота, рожденная самобытным взглядом на жизнь, умением самое сложное выразить в доступной форме»².

Жизнь М.И. Горецкого оборвалась трагически рано. В 1937 г. он был репрессирован по делу «Союза освобождения Беларуси», обвинен в национализме, в 1938 г. расстрелян в Вятке, реабилитирован в 1957 г.

В историю белорусской документально-художественной литературы, более того в мировую литературу, М. Горецкий вошел в первую очередь как автор повести «На империалистической войне (Записки солдата 2-й батареи N-ской артиллерийской бригады Левона Задумы)» [На імперіялістычнай вайне. (Запіскі салдата 2-й батарэі N-скай артылерыйскай брыгады Лявона Задумы)]. В ней нашел отражение личный опыт писателя, воевавшего в качестве вольноопределяющегося телеграфиста одной из артиллерийских батарей в течение первых пяти месяцев Первой мировой войны. Эта книга дополняет знания о тех событиях через восприятие их непосредственного участника, более того во многом открывает читателю самое главное в любой войне: человека на войне, его «превращения», страшные подробности военных будней, жизнь не по правилам, лишённую привычных моральных законов. При жизни писателя повесть была издана в 1926 г., через 50 лет она была переиздана и переведена на иностранные языки, в том числе на русский.

Биографический характер повести обусловил ее своеобразные жанровые черты – создание конкретно-личностного мира, ограниченного жизненной историей и опытом автора. Небольшое по

объему произведение открывается своеобразной экспозицией-вступлением в последующее повествование, разделенное на три коротких главы, имеющие собственные названия, – *Лагерь, Начало, Мост*. Затем автор вводит в текст наиболее важную и существенную составляющую повести – *Дневник*, посвященный непосредственным впечатлениям вольноопределяющегося Левона Задумы. *Дневник* также разделен на небольшие части – *Овраг, Варшлеген, Привалы, Форты, Оленбург, Бегство, Неман, Поворот, Стоим, Переезд, Горы*. Последняя его глава – *Катастрофа* – рассказывает о самых драматических событиях военной жизни автора: гибели командира и близких товарищей, серьезном ранении самого Левона Задумы, трагических днях между жизнью и смертью, проведенных им в госпитале. Можно предположить, что описанием этих событий писатель хотел завершить свою повесть; об этом же свидетельствует и авторская помета: «Конец дневника». Но на каком-то этапе (не следует забывать, что повесть создавалась в течение десятилетия) пришло решение о продолжении и ином, чем предполагалось ранее, конце повести. Пребывание в госпитале, постоянное ощущение надвигающейся со всех сторон смерти, медленное и мучительное выздоровление, не покидающие солдата мысли о бессмысленности, бесчеловечности войны и, наконец, краткосрочный отдых в родном доме описаны в завершающих новеллах – *Обоз, Госпиталь, Побывка, Письмо*.

Как нам представляется, столь нетрадиционная, несколько перегруженная членением текста композиция повести была продиктована прежде всего индивидуальной авторской манерой, склонностью М. Горецкого к созданию произведений короткой формы, в первую очередь, рассказа. В белорусской литературе не было примеров введения документов в ткань художественного произведения (а дневник, воспроизведенный в повести, с полным правом можно считать эго-документом, документом личного происхождения), отсутствовал и определенный опыт в создании литературы факта. М. Горецкий, задумываясь над синтезом художественного и документального в повести «На империалистической войне», создал жанровую форму, в которой он соединил документ и вымысел, военный дневник писателя и короткие новеллы о том или ином событии первых месяцев войны на просторах Восточной Пруссии, о боевой дружбе и солдатском быте.

Дневник, включенный в повесть «На империалистической войне», несмотря на его не подлежащую сомнению автобиографическую основу, все же более художественный текст, чем документальный. Стремление писателя создать произведение, в котором,

согласно канонам художественной литературы, автор – М. Горечкий – не идентичен главному персонажу, определило и вымышленное имя автора Записок. Левон Задума, по существу, альтер-эго самого писателя. В то же время в повести воспроизведена подлинная история нескольких месяцев войны с точными топонимами, документальной хроникой наступлений и отступлений, количеством выпущенных снарядов по противнику. В пользу большей художественности, чем документальности, повести говорит и создание еще одного вымышленного образа – командира батареи, в которой воевал будущий писатель: «Показался высокий, задумчивого вида офицер, с усами и подстриженной бородкой... С виду это был высокий и плечистый мужчина, немного сутулый, хотя и молодой, с усами и бородой, как на царских портретах... Однако глаза у него были глубокими и печальными... Наслышан я был и о его чудачествах: большой набожности, мелочной привязанности к порядку и опрятности»³. Несмотря на то, что все персонажи повести имеют говорящие фамилии-характеристики, отражающие их человеческую суть, – Задума, Шолопутов, Гноев, Хитрунов, Пупский, командир остается безымянным на протяжении всего повествования. Можно предположить, что это намеренный авторский прием. Скорее всего, по замыслу писателя, командир – человек-символ, олицетворяющий лучшие черты солдат и офицеров русской армии, представлявших самые разные народы империи. Наряду с этим он не похож на статично-монументальный образец, он очень живой и достоверный: одновременно нервный и грубый, честный и глубоко верующий, способный накричать на солдата и даже ударить его, но, как правило, справедливо и за дело. Командир в полной мере разделяет военную судьбу своих подчиненных, все тяготы и печали войны. Его храбрость и самоотверженность высоко ценились всеми, с кем он воевал. Его последнему бою и гибели посвящены пронзительные строки *Дневника*: «Командир взобрался на передок и с биноклем в руках, стоя во весь рост, командовал. Хотелось склонить колени перед его героической фигурой – готовой мишенью для врага... Я каменею, поняв страшную правду. Командир был убит наповал, шрапнельной пулей в лоб; об этом рассказал фельдшер, и я подумал: герою – геройская смерть» (466).

Белорусские исследователи сравнивают повесть «На империалистической войне» с произведениями о войне Л.Н. Толстого, Э.-М. Ремарка, Анри Барбюса. Этих писателей роднят не только их антимилитаристские убеждения; «...война, по определению Толстого в эпопее «Война и мир», – самое гадкое дело в жизни, про-

тивное человеческому разуму и всей человеческой природе...», но и созданный в их творчестве неизменный эффект присутствия, эффект сопереживания происходящим событиям и людям, участвующим в них. Свой приговор войне вынес и М. Горецкий: «На войне особенно остро воспринимаешь все родное, далекое. Ведь тут так тяжело... Почему? Потому, что хлеба нет? Или что люди – не люди, а скот? И потому, и потому, и потому... Война нарушает весь распорядок жизни. И в праздничные дни ходим мы грязными, вшивыми, немывыми. Я совсем забыл о празднике» (386).

В повести несколько основных мотивов, которые то соединяются и переплетаются, то один из них начинает играть главенствующую роль, отодвигая другие ключевые мотивы на задний план. На протяжении всей повести постоянен только мотив внутреннего состояния автора, которое наполнено печалью и тоской: «...и горькая тоска навалилась еще сильнее», «И когда по вечерам в пехотной части лагеря весело и задорно играл военный оркестр, меня охватывала такая тоска, что невольно набегали слезы на глаза. Я начинал нервничать». «Я ниоткуда не получал писем, и от этого мне было еще печальнее» (393).

Тема раздумий по поводу будущей судьбы Беларуси, оказавшейся, как это уже не раз бывало в ее истории, на границе двух миров, в эпицентре их столкновения, глубоко переживается автором Дневника: «...край наш бедный, край наш темный – лес, болота, вересок, что в эту проклятую несчастливую пору сплошь залит он горячими слезами, спеленут ужасной нуждой, опустошен и обездолен». Мотив национального, народного, отеческого постоянно находится в центре философских размышлений альтер-эго автора: «Жаль мне тебя, моя бедная, убогая. Неученая и такая творчески одаренная мужицкая родина»; «Проезжали опустевшее местечко. Завидно смотреть! Жалость берет за сердце, оттого что Беларусь, в сравнении с ним, дикая-дикая!» (397).

Совершенно очевидно, что для М. Горецкого проблема национальной идентичности и самоидентичности была очень существенна. Почти всегда рядом с именем его сослуживцев упоминается их национальность: «Старшим над ними был усатый поляк или ополяченный белорус с Виленщины, почему-то с русской фамилией – Маслов», «украинец Ехимчик», «ополяченный литовец», «санитар Фельдман, наш белорусский еврей», «мужчина-русак», «Беленький, наш безбожный иудей». Своих русских сослуживцев Задума отличает по местам их происхождения – «косоглазый туляк денщик», «основательный батарец костромич Пашин», ярославец Соловьев, Дикан – белорус с Минщины.

Свою национальную идентичность Левон Задума осознает постоянно и отстаивает ее при малейших сомнениях со стороны сослуживцев, особенно когда это касается родного языка. Экземпляры первой газеты на белорусском языке «Наша Ніва», присланные ему на фронт из Вильно, приносят радость, позволяют хоть на время забыть о человеческих трагедиях и тяготах войны: «Но чего мне стыдиться, что я здесь, на этой проклятой войне, со спазмами в горле и противными болезненными слезами на глазах целую письма из дому и «Нашу Ніву» из Вильни... Командир был как раз в канцелярии. Он повертел в руках «Нашу Ніву», с нескрываемым любопытством посмотрел на меня, но ничего не сказал... Сколько радости доставляет мне наше печатное слово!» (441).

Бывали мгновения, когда Левон Задума, пребывая в некотором замешательстве по причине собственного нахождения в русской армии, ощущал себя в стане противника. На четвертый месяц войны он, увидев перебежчика с немецкой стороны – поляка-познанца, задается вопросом: «Я в русском войске, как тот поляк в немецком. Значит?..» (443). Но воинская присяга и непрерывные позиционные бои не оставляли ему времени для дальнейших размышлений, и он продолжал выполнять обязанности военного телеграфиста.

Сквозным лейтмотивом проходит в повести тема бессмысленности и бесчеловечности войны. Она прочно связана и с темой тоски, и с темой идентичности, поскольку главный персонаж, как и сам М. Горецкий, осознает собственную беспомощность и неправедность войны, свою «неверную» солдатскую судьбу, всю без остатка подчиненную приказам, нередко ошибочным и скоропалительным. Размышления Левона Задумы приводят его к убеждению, что война не может принести ничего хорошего не только отдельным ее участникам, но и всему белорусскому народу, его судьба по-прежнему будет определяться другими, а впереди только беды и прежняя нищета: «Разве Беларусь от этой войны будет иметь хоть какую-нибудь пользу? Не получится ли так, что, добившись победы на фронте, сильные мира сего станут еще сильнее и окончательно согнут нас в бараний рог?.. Вернувшись в казарму, я просмотрел нехитрое свое имущество, еще раз перечитал книжки... И зачем, спрашивается, я вез их сюда? Все это теперь погибнет, как погибну, может, и я сам... во славу... во славу... чего? Освобождения «малых» народов? Но освободится ли мой народ? Что ему даст эта война? Лучше не думать...» (463).

Еще одна ключевая тема повести «На империалистической войне» – быт, повседневная жизнь–выживание солдата на войне.

Смерть, голод, холод, грязь – вот ее главные приметы. Война – это не только наступления, отступления, взрывы и смерти, подвиги и предательства, прежде всего это – **работа, труд** до изнеможения, грязный, бесконечный, лишенный созидательного смысла, без которого однако невозможно побеждать. Об этом одним из первых в мировой литературе сказал в своей повести М. Горецкий: «Орудийная прислуга так наработалась за день у пушек, что некоторые номера с трудом поднимали руки и проливали еду дрожащими ложками. Работали от семи утра до девяти вечера, без отдыха и обеда, то заряжая пушки, то подкапывая хоботы, то еще чем-нибудь занимаясь». «После обеда рыли окопы. “Что это ваши руки ничего не умеют?” – пренебрежительным тоном спросил старший, глядя на мою работу» (433).

В повести «На империалистической войне» М. Горецкий выстроил целую систему сновидений Левона Задумы; среди них и вещей сон, предсказавший тяжелое ранение в ногу, и сон о мясе с огурцами, гнилыми яйцами, спелыми сливами, которые, в соответствии с народными поверьями, предвещают скорые несчастья, а, может быть, и смерть, предательство, ложь, измену, а также подают хороший знак и надежду на будущее. Чаще всего Левон Задума во сне видит родных и знакомых из мирной жизни – встречу с матерью, с давним приятелем и его сестрой. Сны в *Дневнике* как продолжение яви: «Мне так ясно, так четко снилось вчера, что я на позиции, что немцы наступают... Над нашей хатой рвутся шрапнели, здесь, в родном селе... Я прижался к наружной стенке, возле которой сплю, и слышу как шрапнель над самой трубой: тра-ах! Пули по крыше, по улице: тук! Тук! Тук! Потом возле самой спины, даже горячо стало... Хочу бежать, а нога мертвая, не двинуть, шаг не могу сделать... Я думаю: как мне жить, такому, с такой ногой?» (435). Многие из мимолетных мыслей Левона Задумы во время военных будней нашли отражение в его снах, углубили и расшифровали самые заветные желания молодого солдата, отношения с реальным миром.

Завершается повесть «На империалистической войне» письмом сослуживцев телеграфиста – автора «Записок», в котором они подробно описывают свою нелегкую жизнь, пишут об обстоятельствах гибели знакомых однополчан. Это послание – имитация эпистолярного документа, вполне вписывающаяся в художественно-документальное повествование как композиционный элемент, своеобразный мининарратив, текст в тексте. Его предназначение – усилить эффект присутствия, эффект сопереживания, о которых говорилось выше.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Адамович А.* Жизненный материал и художественное обобщение // Вопросы литературы. 1966. № 9. С. 6–8.

² *Мушинский М.* Народные истоки таланта // Горецкий М. Красные розы. Минск, 1976. С. 7.

³ *Горецкий М.* Красные розы... С. 375. Далее в тексте даются ссылки на это издание с указанием номера страницы в скобках.